

Г. В. Чочиев

**«ОБЩЕСТВО ЕДИНЕНИЯ ЧЕРКЕСОВ»
И ЕГО ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН — ГАЗЕТА «ИТТИХАД»
(КАИР, 1899 г.)**

Проблема изучения наследия общественных объединений, созданных проживающими в странах Ближнего Востока этническими северокавказцами, сравнительно недавно вошла в сферу регулярного интереса ученых. Между тем эта научная задача характеризуется растущей актуальностью ввиду необходимости объективной оценки и отчасти переосмысления влияния представителей северокавказской диаспоры на социально-политическую, идеологическую и культурную жизнь как государств их постоянного пребывания, так и — в определенной степени — исторической родины. В последние десятилетия зарубежными (главным образом турецкими) и отечественными исследователями был внесен заметный вклад в накопление фактологического материала и анализ различных аспектов функционирования черкесских¹ организаций конца XIX — XX в. (см., напр.: [1; 2; 3; 4; 5]). Тем не менее очевидно, что в настоящее время существенная часть документальных источников, относящихся к данной проблематике, все еще ждет выявления либо ввода в научный оборот, а целый ряд принципиально важных вопросов не получил пока адекватного ответа. Цель настоящей работы состоит в выяснении общественных условий формирования и характеристике мировоззрения и основных фактов деятельности первого легального объединения северокавказской диаспоры «Общества единения черкесов»² (ОЕЧ), заявившего о себе в самом конце XIX столетия в оккупированной Великобританией провинции Османской империи — Египте.

При рассмотрении предпосылок появления данного общества необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

В начальный период после массовой миграции северокавказцев в султанские владения по окончании Кавказской войны (т. н. мухаджирства) в роли выразителей чаяний и требований переселенцев в общеосманском масштабе обычно выступали их традиционные феодально-патриархальные лидеры, нередко делавшие акцент в апелляциях к Порте на свои узко-сословные интересы [6]. К концу XIX в., однако, стали проявляться признаки активности сложившейся в диаспоре новой элиты — черкесской гражданской и военной интеллигенции, глубоко интегрированной в соответствующие слои османско-мусульманского социума, но в то же время сохранявшей тесные связи с собственной этнической средой. Так, в 1880–1890-х гг. отмечались отдельные попытки черкесских интеллектуалов осуществить мероприятия, имевшие четко выраженную национально-культурную направленность. В частности, хорошо известны такие факты, как публикация видным османским литератором, педагогом

¹ Термин «черкесы» употребляется в статье преимущественно в принятом на Ближнем Востоке расширительном значении, подразумевающим представителей всех северокавказских народов.

² Название общества на османско-турецком языке — *Джемийет-и иттихадийе-и черакисе*.

© Г. В. Чочиев, 2011

и общественным деятелем Ахмедом Мидхат-эфенди³ ряда художественных произведений на темы из «кавказской жизни» и постановка их на подмостках стамбульского театра; учреждение им же совместно с крупными военачальниками маршалом Фуад-пашой⁴, Гази Мухаммед-пашой⁵ и др. специальной комиссии для написания истории Кавказа; разработка кадровым бюрократором Ахмедом Джавид-пашой⁶ вместе с группой единомышленников адыгского алфавита на арабской графической основе и его издание литографским способом и т. п. [7, с.183–184; 1, с. 68–69, 88; 2, с. 9–14].

Эти шаги ясно свидетельствовали о постепенной актуализации в среде образованной прослойки диаспоры задачи выработки концепции этнонационального развития (выживания) своих соотечественников в кардинально изменившихся после переселения условиях их существования. Мы, однако, не имеем возможности с достаточной степенью определенности судить о том, каков на данном этапе был реальный идейный и организационный потенциал нарождавшейся черкесской интеллигенции, поскольку годы ее становления в значительной мере совпали с эпохой максимального ужесточения режима абсолютистской диктатуры при султানে Абдулхамиде II (1876–1909), не признававшем элементарных личных и политических свобод подданных и с крайней подозрительностью относившемся к любым проявлениям национального самосознания подвластных народов. Достаточно отметить, что все перечисленные усилия энтузиастов черкесского просветительства были пресечены властями, а некоторые их инициаторы подверглись преследованиям [1, с. 68; 4, с. 79].

Невозможность ведения легальной этнозащитной деятельности, естественно, не могла не способствовать в числе других факторов распространению среди патриотически настроенной части интеллектуальной элиты диаспоры (так же, как это имело место в среде других османских народов) идей оппозиционного младотурецкого движения, выступавшего за восстановление отмененной Абдулхамидом II конституции и введение парламентской системы правления.

Неоспоримым фактом является высокий уровень вовлеченности северокавказцев из числа офицеров, служащих, студентов, лиц «свободных профессий» и даже представителей феодальной бюрократии в ряды различных группировок младотурок, действовавших как внутри империи, так и в эмиграции. К примеру, один из четырех курсантов столичного военно-медицинского училища, основавших в 1889 г. первую тайную ячейку младотурецкого общества «Единение и прогресс», Мехмед Решид-бей⁷, был черкесом [8, с. 15]. В последующие годы заметный вклад в антиабсолютистское движение внесли также такие выходцы из северокавказской этнической среды, как Мехмед Мурад-бей⁸ (в 1896–1897 гг. руководитель женевского отделения общества «Единение и прогресс» и издатель одного из ведущих оппозиционных печатных органов — газеты «Мизан»), Ахмед Саиб-бей⁹ (в 1899–1907 гг. фактический глава каирского отделения общества «Единение и прогресс» и издатель влиятельной

³ Ахмед Мидхат-эфенди (1844–1913) — адыг, из рода Хагур (по материнской линии).

⁴ (Дели) Фуад-паша (1835–1931) — убух, из рода Тхуго.

⁵ Гази Мухаммед-паша (1832–1903) — средний сын имама Шамиля (в русских источниках — Казимагомет).

⁶ Ахмед Джавид-паша (1840–1916) — убух, из рода Тхерхет.

⁷ Мехмед Решид-бей (1873–1919) — адыг, из рода Ханахе.

⁸ (Мизанджи) Мехмед Мурад-бей (1854–1917) — даргинец, уроженец с. Урахи в Дагестане (по российским документам — Гаджи-Мурад Амиров).

⁹ Ахмед Саиб-бей (1859–1920) — кумык, из рода Каплан.

младотурецкой газеты «Санджак»), Хюсейин Тосун-бей¹⁰ (опытный конспиратор, один из организаторов антиправительственного восстания 1906–1907 гг. в Восточной Анатолии) и др. [9; 2].

Участие черкесов в младотурецком движении было, разумеется, обусловлено прежде всего мотивами общего политического и идеологического характера и, как правило, не сопровождалось выдвиганием требований, направленных на удовлетворение специфических интересов диаспоры, хотя можно не без оснований предполагать наличие у значительной части северокавказцев — активистов конституционно-либеральных организаций рубежа XIX–XX вв. — весьма развитого этнического самосознания наряду с государственным османским (или, точнее, государственно-общинным османско-мусульманским) и, соответственно, известной «национальной» мотивации для включения в борьбу с диктатурой¹¹. Очевидно, впрочем, что на данном этапе черкесские оппозиционеры в своем подавляющем большинстве считали ликвидацию феодально-абсолютистского правления главным условием решения в том числе и проблем этнонационального прогресса своих соотечественников на основе провозглашавшихся младотурками принципов равенства и братства всех народов империи — т. н. доктрины османизма, которая в целом была вполне приемлема для не имевшего на османской почве ни исторических корней, ни территориально-политических устремлений северокавказского диаспорного меньшинства.

Тем не менее ряд фактов указывает на то, что уже в этот период начало проявляться стремление части вовлеченных в младотурецкое движение северокавказцев к сплочению и сотрудничеству по этническому признаку, наиболее ярким выражением чего и служит создание ОЕЧ.

Наши сведения об обстоятельствах возникновения ОЕЧ, его целях и идеологии базируются главным образом на материалах первого номера его печатного органа — газеты «Иттихад» («Единение»), вышедшего в Каире 15 октября 1899 г.¹² На титуле этого восьмиполосного издания под увенчанным цитатами из Корана изображением северокавказской атрибутики (папахи, горского оружия и снаряжения, штандарта с двумя скрещенными стрелами и тремя пятиконечными звездами и т. п.) на фоне пробивающихся сквозь черные тучи солнечных лучей, символизировавших, вероятно, борьбу с деспотизмом и невежеством, декларировалось, что его назначением является «...служение возвышению ислама посредством работы по созданию условий для пробуждения и прогресса черкесских мухаджиров и всей османской нации». Обращала на себя внимание формальная принадлежность учредителей газеты ко вполне традиционному османскому имперскому истеблишменту. Так, в качестве ее генерального администратора (*мюдир-и умуми*) значился отставной майор жандармерии Бурак-бей-заде Мехмед Эмин-бей из знатного рода Лох (لوح), а главного ре-

¹⁰ Хюсейин Тосун-бей (ум. 1930) — убых, из рода Шапли.

¹¹ В подтверждение этого можно сослаться на то обстоятельство, что после младотурецкой революции 1908 г. целый ряд этнических северокавказцев, бывших членов подпольных групп османских конституционалистов, достаточно активно включился в организованное черкесское движение. К примеру, Мехмед Мурад стал в 1908 г. одним из учредителей «Черкесского общества единения и взаимопомощи», Хюсейин Тосун возглавлял в 1918–1919 гг. «Общество Северного Кавказа», Мехмед Решид также сотрудничал с различными диаспорными организациями. Данный список может быть существенно расширен [5].

¹² Точное название газеты по-турецки — *Иттихад газетеси*. Копия этого издания, давно ставшего библиографической редкостью и сохранившегося лишь в отдельных частных коллекциях, была любезно предоставлена нам г-ном Фахри Хуважем (г. Анкара).

дактора (*сермухаррир*) — Мехмед Фазыл-бей, сын бывшего второго секретаря султана Кудси-заде Кадри-бея¹³. Сообщалось, что газета будет выходить еженедельно и распространяться как на территории Османской империи, так и за ее пределами [11, с. 1]. Все материалы номера были написаны на османско-турецком языке, зачастую весьма красочном и витиеватом, свидетельствующем о достаточно высоком образовательном уровне авторов.

В обращении «К уважаемым читателям» (*Кариин-и кирама*), подписанном Мехмедом Эмином [11, с. 1], обосновывалась необходимость создания подобного общества и кратко излагались предшествовавшие этому события. Из повествования следовало, что Мехмед Эмин, ребенком вместе с близкими прибывший в османские владения и поселенный в районе Измита, в дальнейшем в качестве жандармского офицера объездил многие европейские и азиатские провинции империи¹⁴, всюду становясь свидетелем бедственного положения «черкесских племен, не столько поселенных, сколько рассеянных где и как попало». Тяготы и лишения соплеменников зародили в нем стремление предпринять какие-либо действия для оказания им помощи, однако обремененность служебными обязанностями и жесткость политического режима в течение длительного времени препятствовали осуществлению этих замыслов. Тем не менее его взгляды или какие-то высказывания, похоже, все-таки не остались незамеченными соответствующими службами, и в 1892 или 1893 г. он был переведен в Триполитанию (вилайет Траблусгарб), являвшуюся при Абдулхамиде II одним из главных мест ссылки неблагонадежных элементов из числа военных и гражданских чиновников. Следует, правда, отметить, что практика удаления в эту североафриканскую провинцию оппозиционеров и даже назначения некоторых из них на достаточно влиятельные посты в местной администрации имела результатом быстрый численный рост во второй половине 90-х гг. регионального отделения общества «Единение и прогресс», члены которого на деле были относительно мало стеснены в пропаганде своих идей. Примечательно также, что среди сосланных сюда в этот период известных офицеров-младотурок были и этнические черкесы, в частности упомянутые выше Мехмед Решид-бей, ставший фактическим руководителем провинциальной организации конституционалистов, и Хюсейин Тосун-бей, игравший ключевую роль в ее подпольных мероприятиях [14, с. 292–294]. Находясь в дан-

---

¹³ Вероятно, речь идет об Абдулкадире аль-Кудси, депутате первого османского парламента от Халеба, который после роспуска меджлиса в 1878 г. поступил на придворную службу и в течение некоторого времени был вторым секретарем султана. Поскольку аль-Кудси в литературе выступает как этнический араб (см.: [10, с. 29, 224]), участие его сына в создании ОЕЧ может объясняться либо родственными связями с выходцами с Кавказа (возможно, по материнской линии), либо некими соображениями идейного или тактического порядка.

¹⁴ Приведенные биографические сведения о Мехмеде Эмин-бее подтверждаются и уточняются данными неопубликованной семейной хроники, составленной правнучкой его младшего брата г-жой Дилек Бурак, проживающей в Стамбуле. Согласно этим сведениям, Мехмед Эмин, носивший неофициально также кавказское имя Шумаф, родился в 1855 г. и был одним из сыновей феодального предводителя абазинцев-баракаевцев Бурака Хаккы-бея из рода Лох (представители этого рода в русскоязычной литературе фигурируют также как Ляховы, Лиховы, Лаховы, Лах и т. п.). После поселения на османской территории (предположительно в 1863 г. [12, с. 29–31]) Мехмед Эмин вопреки воле отца, желавшего передать ему наследственный титул и полномочия «главы племени», отправился в Стамбул, где самостоятельно поступил в Военно-морское училище (*Мектеб-и бахрийе*) и окончил его. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., будучи командиром подразделения черкесской иррегулярной кавалерии на балканском фронте, получил тяжелое ранение и был переведен на службу в жандармерию [13].

ной среде, Мехмед Эмин, занявший позднее должность начальника местной тюрьмы¹⁵, несомненно, обрел таким образом возможность более активного включения в младотурецкое движение¹⁶. Сам он подчеркивал в указанном обращении, что на протяжении семи лет своего пребывания в Триполитании «...приложил множество усилий к тому, чтобы положить начало деятельности по обеспечению благополучия и подъема османской нации и злополучных черкесов». Можно предположить, что не без его сознательного попустительства имели место такие факты, как тайное издание двух антиправительственных газет заключенными-младотурками и побеги многих из них из тюрьмы, что в 1899 г. вынудило власти начать специальное расследование [14, с. 293–294]¹⁷. В этот же период Мехмед Эмин пытался сформировать и более узкую этническую (черкесскую) группировку национально-либерального толка. Однако, поскольку в 1899 г. перед лицом возросшей угрозы репрессий Мехмед Эмин в числе целого ряда других триполитанских оппозиционеров был вынужден бежать в находившийся под британским управлением Египет, эту деятельность пришлось продолжить уже на новом месте. Первоначально вступив в укрепившееся благодаря притоку новых членов каирское отделение общества «Единение и прогресс», Мехмед Эмин и его единомышленники, из которых нам известен лишь Мехмед Фазыл, вскоре вышли из него по не вполне ясным, хотя скорее всего связанным с расхождениями по этнонациональным вопросам причинам и в том же году учредили самостоятельную организацию — ОЕЧ [14, с. 333, 633], приступив к изданию газеты «Иттихад». Такова в общих чертах предыстория возникновения общества по версии одного из его основателей и свидетельствам некоторых других источников.

Из остальных материалов номера, опубликованных без подписи, наибольший интерес представляет пространная и по существу программная статья под названием «Пара слов» (*Келиметейн*) [11, с. 2–4], в которой предпринималась попытка осмысления положения черкесов после их поражения в Кавказской войне и переселения на османскую территорию. Судя по ее содержанию, лидеры ОЕЧ видели коренную причину военно-политической и демографической катастрофы, постигшей жителей Северо-западного Кавказа в XIX в., в их цивилизационном отставании от передовых стран. Подчеркивалось, что горцы, которые благодаря труднодоступности их родины и собственной храбрости на протяжении столетий отражали посягательства более многочисленных врагов, в Новое время не смогли избежать участи прочих оказавшихся на периферии мирового прогресса обществ и были подчинены далеко опередившей их по уровню социально-политического, экономического и научно-технического развития державой — Россией. Согласно представлениям ОЕЧ, современная эра характеризовалась жестким и бескомпромиссным соперничеством между народами и государствами, сходным с конкурентной борьбой в коммерческой сфере, а условием и первоосновой сохранения любой нации выступали просвещение и обеспечиваемые им материальные ресурсы и знания об окружающем мире, отсутствием

---

¹⁵ На эту должность он был назначен по протекции командующего триполитанским гарнизоном албанца Реджеб-паши [13], поддерживавшего тайные связи с конституционалистами из числа своих соотечественников [15, с. 59].

¹⁶ Имеется также свидетельство о том, что Мехмед Эмин поддерживал контакты с Мехмедом Мурад-беєм [13].

¹⁷ О Мехмеде Эмин-бее в этот период с похвалой отзывалась одна из ведущих младотурецких газет «Османлы», публиковавшаяся в Женеве [14, с. 334].

коих у черкесов и объяснялся не только крах их сопротивления, но в определенной мере и сам выбор в пользу переселения в султанские владения.

Основная ответственность за перенесенные черкесами в период иммиграций бедствия и невзгоды возлагалась, однако, на османские власти. Проявлявшиеся им претензии сводились в сущности к трем пунктам. Официальным инстанциям вменялось в вину, во-первых, крайне бесчеловечное отношение к северокавказцам во время их расселения на территории империи: предоставление заведомо не пригодных для проживания и хозяйственной деятельности земель, необеспечение достаточными средствами к существованию и т. п., — в результате чего переселенцы фактически обрекались на гибель от голода и болезней. Второе не менее тяжкое обвинение касалось одиозной практики продажи в рабство черкесских детей и женщин (в том числе из свободных и даже знатных сословий), широкое распространение которой после мухаджирства связывалось с поощрением данного промысла государственными служащими в корыстных целях. Наконец, в-третьих, утверждалось, что и после своего окончательного поселения черкесы продолжают подвергаться особенно жестокой эксплуатации (при взимании налогов, выполнении государственных повинностей и др.) со стороны властей, пользующихся незнанием ими местных реалий, языка и т. п. В качестве главных виновников страданий переселенцев выступали алчные и безжалостные провинциальные чиновники, но немалая доля критики была адресована также Порте и султанскому окружению, хотя личность самого падишаха прямо не затрагивалась. Примечательно, что, подобно большинству младотурецких групп, представители ОЕЧ старались активно подкреплять свои претензии к властям ссылками на авторитет ислама. Так, особое возмущение выражалось по поводу того обстоятельства, что османское руководство не оценило должным образом религиозного рвения черкесов, якобы покинувших Кавказ в первую очередь из стремления найти приют «под сенью священного халифата», и тем самым нарушило предписание пророка Мухаммеда об оказании всемерной помощи единоверным беженцам и переселенцам.

Несмотря на исключительно (а порой преувеличенно) негативную оценку опыта проживания северокавказцев в султанских владениях, определявших — по крайней мере применительно к первым послеиммиграционным десятилетиям — термином «чужбина» (*гурбет*), очевидно, что именно османское государство рассматривалось в статье как пусть вторичная и новоприобретенная, но, тем не менее, единственная реальная родина черкесов диаспоры, с которой связывались надежды на их будущее развитие. Являясь, бесспорно, носителями надэтнического османско-мусульманского патриотизма (наряду с этническим черкесским), руководители ОЕЧ с явным сожалением отмечали недостаточную, на их взгляд, активность своих соотечественников как в отстаивании собственных прав и интересов, так и в борьбе за прогрессивные преобразования в масштабах страны, усматривая причины такой пассивности в тяжелом морально-психологическом состоянии черкесов вследствие пережитой ими трагедии мухаджирства, в передавшихся им от местного населения «настроениях апатии и смирения», в невежестве и темноте основной массы иммигрантов и протекающей отсюда их безоговорочной, слепой преданности институту султаната-халифата. Исходя из этого провозглашалась необходимость скорейшего просвещения северокавказцев и пробуждения в них традиционно присущих им качеств — смелости, благородства, готовности к самопожертвованию и т. п. — для их более заметного

привлечения к действиям по ликвидации препятствующего прогрессу народов империи деспотического режима. Разумеется, ОЕЧ считало своим «естественным долгом» осуществление соответствующей агитации и пропаганды среди черкесского населения.

В то же время четко формулировалось намерение совмещать задачи идейно-политического и национально-культурного просвещения диаспоры. В частности, предполагалось в самое ближайшее время предпринять меры «по возрождению черкесского языка». В этой связи вызывают интерес утверждения о наличии разработанных для адыгского, абхазо-абазинского, убыхского и осетинского языков версий «национального» алфавита, на основе которого были подготовлены к печати учебные пособия по грамматике, арифметике и богословию, сборник черкесских пословиц и поговорок и «черкесский словарь». Скорее всего, имелась в виду деятельность вышеупомянутой группы Ахмеда Джавид-паши, с которой, возможно, члены общества поддерживали связь. Если приведенные сведения отражают реальное, а не планируемое положение вещей, то они, несомненно, существенно уточняют наши представления об уровне, достигнутом к концу XIX в. в сфере черкесского просветительства в Османской империи. В любом случае характер намеченных ОЕЧ, но, насколько нам известно, так и не увидевших свет в указанный период¹⁸ публикаций свидетельствует о практическом начале близкими к обществу представителями интеллигенции подготовительной работы по созданию в стране основ национального образования, а в перспективе — достижению северокавказцами культурной автономии.

Вместе с тем — вероятно, для предупреждения негативной реакции на заявленную этническую специфику со стороны ведущих групп османских конституционалистов — настойчиво акцентировалось отсутствие у ОЕЧ желания «подорвать словом или делом исламское и национальное братство». Напротив, подчеркивалось, что его цель состоит в обеспечении всеобщей справедливости и свободы посредством формирования «прочного союза», в котором в качестве едва ли не равных партнеров должны были выступать, с одной стороны, «благородные османцы», а с другой — «их братья черкесы».

Прочие статьи газеты не имели непосредственного отношения к проблемам северокавказцев, но они позволяют составить более полное представление о мировоззрении и политических принципах ее издателей. Так, в соответствии с общей традицией младотурецкого движения большое внимание уделялось обоснованию совместимости требований осуществления либеральных реформ с мусульманскими нормами и ценностями. В обширной статье «Исламское единство» (*Иттихад-и ислам*) [11, с. 6–8] и других материалах отмечалось, что вопреки распространенному мнению ислам отнюдь не является препятствием для общественного, культурного и научного прогресса. Подчеркивая духовное превосходство исламской цивилизации над христианской, орган ОЕЧ вместе с тем призывал к максимальному усвоению технических достижений Запада, являющихся результатом упорного труда и современных знаний. Во взглядах общества были заметны также панисламистские тенденции, имевшие, впрочем, очевидную антиимпериалистическую направленность. Сплочение всех му-

---

¹⁸ Согласно данным, которыми мы располагаем в настоящее время, первые достоверно известные факты издания в Османской империи учебно-образовательной и иной литературы на адыгском и некоторых других кавказских языках относятся к периоду после революции 1908 г. и связаны с деятельностью «Черкесского общества единения и взаимопомощи» [1; 2; 4].

сульманских стран и народов рассматривалось как предпосылка их успешного противодействия экспансии европейцев, а в качестве объединительного центра мусульманского мира мыслился — при условии восстановления в османском государстве конституционного парламентского строя — Стамбул как резиденция халифа.

В ряде сообщений и комментариев их авторы проявляли себя как твердые приверженцы укрепления османского государства и сохранения его территориальной целостности. Таковы, к примеру, материалы о съезде албанцев Македонии [11, с. 4], планах раздела Йеменского вилайета [11, с. 6], политике России на Балканах [11, с. 8] и др.

В заключение необходимо коснуться опубликованного в этом издании программного документа ОЕЧ — устава его «внешних членов» (*аза-и харидже*), т. е. лиц, привлекаемых на добровольной основе политическим руководством организации к работе по укреплению ее позиций в пределах империи. Статья 1 устава гласила, что общество видит свою основную цель в том, чтобы «через приобщение к плодам просвещения и истины черкесов — и тем самым всего населения <...> османских территорий — служить их прогрессу и процветанию и способствовать <...> обеспечению их прав и предотвращению угнетения». Двуетная сущность идейно-политических ориентиров общества подтверждалась в статье 2, декларировавшей его намерение наряду с защитой «самобытности черкесов» действовать во благо «всей османской и мусульманской нации» и получать помощь от всех ее представителей. Соответственно статья 3 допускала возможность приема в ОЕЧ лиц всех национальностей, но она же предусматривала их организационное разведение по этническим — «черкесскому» и «нечеркесскому» — отделениям, что можно объяснить объективным несовпадением ставившихся обществом национально-культурных и общеполитических задач. Остальные статьи устава регламентировали права и обязанности различных категорий «внешних членов», которым надлежало заниматься главным образом подпольной пропагандой и разъяснением взглядов общества среди населения османских провинций [11, с. 6]¹⁹.

Описанные выше идеологические и практико-политические установки ОЕЧ довольно ясно свидетельствуют о том, что его стратегическая цель состояла в мобилизации и организационном сплочении молодой диаспорной «разночинной» интеллигенции для последующего артикулирования и отстаивания в общегосударственном, пусть первоначально и оппозиционном, формате специфических интересов ближневосточных черкесов. При этом общество, скорее всего, рассчитывало закрепить за собой особую этническую «нишу» в рамках османского конституционного движения или даже выступить партнером младотурок в борьбе против абдулхамидовского правления с тем, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для национально-ориентированной (прежде всего социокультурной) активности черкесской элиты после либерализации политического режима в стране. В связи с этим нельзя не обратить внимание на тот факт, что оформление ОЕЧ произошло непосредственно после выдвижения в сентябре 1899 г. каирским отделением общества «Единение и прогресс» предложения о созыве объединительного конгресса всех противостоя-

---

¹⁹ Отсутствие в функциональном арсенале ОЕЧ более радикальных методов борьбы не вызывает удивления. В рассматриваемый период практическая деятельность младотурецких организаций, как правило, не выходила за рамки движения политического протеста против существующего режима, а основной формой этой борьбы являлась печатная пропаганда [9, с. 215].

щих абсолютистскому правлению организаций и групп, что может указывать на стремление черкесских оппозиционеров быть во что бы то ни стало представленными в качестве самостоятельной и консолидированной силы на этом форуме, который, впрочем, не состоялся на данном этапе [9, с. 198–199; 16, с. 520].

Реальная политическая ситуация, однако, не способствовала воплощению в жизнь планов основателей общества. Немалые препоны его функционированию, безусловно, создавались административными мерами властей. Так, уже 19 октября 1899 г., спустя четыре дня после выхода в Каире первого номера «Иттихад», одним из приближенных к Абдулхамиду II высших полицейских чинов империи черкесом Хасан-пашой было отдано распоряжение отслеживать и пресекать попытки провоза газеты через границу [17]. В то же время следует помнить о том, что ведущие группировки младотурок, провозгласившие в соответствии с доктриной османизма лозунги единения, равенства и братства всех народов империи, считали приемлемой лишь их совместную борьбу против диктатуры и резко осуждали любые шаги, предпринимавшиеся в этом направлении от имени отдельных национальностей [9, с. 171]. Ввиду этого данная «сепаратная» инициатива, несмотря на многочисленные и, несомненно, вполне искренние декларации в «Иттихад» о приверженности «общей османской родине», не встретила понимания у других участников конституционного движения, некоторые из которых даже заклеямили образование ОЕЧ как «скандальный акт» (*резалет*) [14, с. 334, 633]. Наконец, не менее серьезная проблема заключалась в том, что ОЕЧ не удалось объединить вокруг своей программы представителей той общественной прослойки, к которой оно прежде всего апеллировало, — новой образованной (преимущественно военно-чиновничьей) элиты северокавказской диаспоры. Очевидно, что подавляющее большинство оппозиционно настроенных к существующей власти выходцев из этой среды предпочло, как и прежде, действовать в рядах различных фракций общества «Единение и прогресс» и других османских эмигрантских организаций, считая, по-видимому, несвоевременным выдвижение на передний план вопросов этнонационального развития своих соотечественников.

Не сумев, таким образом, создать в Каире эффективно функционирующий центр организации, ее лидеры, естественно, не могли рассчитывать и на успешное привлечение сторонников и активистов внутри османских границ, не говоря уже о реализации национально-культурных проектов. В результате ОЕЧ не смогло осуществить ни одной из своих двух тесно связанных друг с другом задач: ни занять сколько-нибудь заметного места в конституционно-либеральном (младотурецком) движении, ни положить в стране начало этническому черкесскому движению. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что вскоре после своего учреждения ОЕЧ на деле прекратило существование. На это указывает в том числе и отсутствие каких-либо реальных подтверждений продолжения выхода в свет газеты «Иттихад»²⁰.

Вероятно, свою роль в этом сыграл и субъективный фактор. По имеющимся данным, стамбульские власти, встревоженные появлением на общественно-поли-

---

²⁰ Для сравнения укажем, что аналогичные усилия представителей интеллигенции некоторых других мусульманских народов империи (не говоря уже о немусульманах), которыми, возможно, отчасти вдохновлялись основатели ОЕЧ, были более продуктивны. В частности, до 1908 г. в эмиграции издавалось несколько газет на арабском, албанском и курдском языках, которые, наряду с критикой абдулхамидовского режима, отстаивали интересы соответствующих этнических групп, а некоторые даже выдвигали требования национальной автономии [16, с. 513].

тической арене оппозиционного объединения этнических кавказцев, несколько раз негласно предлагали его членам свернуть свою деятельность в обмен на амнистию и назначение на подходящие должности в пределах империи. После того как соответствующие гарантии были подтверждены лично прибывшим в Египет главой султанской канцелярии [13]²¹, Мехмед Эмин-бей согласился на эту сделку и уже в феврале 1900 г. был назначен инспектором по расселению иммигрантов в провинции Эскишехир — должность, на которой он, несомненно, мог принести некоторую практическую пользу своим соплеменникам²² (о дальнейшей судьбе Мехмеда Фазыл-бея у нас сведения отсутствуют).

Так завершился первый на Ближнем Востоке опыт публичного формулирования концепции черкесского светского «протонационализма» [21, с. 144, 166], в целом не выходявшего за рамки доктрины османизма, хотя и явно расширительно их толковавшего.

Не оставив по существу никакого практически значимого следа в истории османских политико-идеологических течений рассматриваемого периода, ОЕЧ и его печатный орган, тем не менее, представляют собой важное документальное свидетельство определенного уровня зрелости черкесской интеллигенции, отразившее процесс становления этнонационального самосознания северокавказских групп в условиях диаспорного проживания. При этом важно отметить, что, несмотря на всю эпизодичность своего присутствия на политической сцене, общество и газета успели довольно четко обозначить те ориентиры (в первую очередь в сфере просветительства), которые стали приоритетными в деятельности более массовых северокавказских организаций, возникших в Османской империи после младотурецкой революции и установления конституционного строя в 1908 г.

Литература

1. *Aydemir İ.* Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara, 1991.
2. *Berzeg S. E.* Kafkas Diasporasında Yazarlar ve Edebiyatçılar Sözlüğü. Samsun, 1995.
3. *Berzeg S. E.* Kafkasya ve Çerkesler Bibliyografyası, Samsun, 1996.
4. *Yıldız C.* Adıge Dili ve Edebiyatı // Kafkasya Üzerine Beş Konferans. İstanbul, 1977.
5. *Чочиев Г. В.* Северокавказские (черкесские) организации в Турции (1908–1923 гг.). Владикавказ, 2009.

---

²¹ Нам представляется более вероятным, что указанную миссию выполнил глава султанской тайной полиции (*серхафийе*) черкес Ахмед Джелиледдин-паша, который в конце 1890-х — начале 1900-х гг. неоднократно по поручению Абдулхамида II проводил переговоры с представителями младотурецкой эмиграции о прекращении ими борьбы против режима. Самой крупной его удачей стала «нейтрализация» таким образом Мехмеда Мурад-бея в 1897 г. Любопытно, что в 1904 г. сам Ахмед Джелиледдин бежал в Египет и примкнул к либеральному движению [18, с. 390–391, 436, 446].

²² В 1905 г. Мехмед Эмин-бей был переведен на аналогичную должность в Анкарский вилайет [13]. Вскоре после восстановления конституционного строя, в декабре 1908 г., он обратился в стамбульское управление внутренних дел с прошением о предоставлении разрешения на издание газеты «от имени угнетенных Кавказа» [19], которая, правда, не увидела свет по не вполне ясным нам причинам. Любопытно, что Мехмед Эмин не фигурирует среди членов черкесских организаций, активно действовавших в Османской империи в последнее десятилетие ее существования. В январе 1918 г., однако, он в качестве «бывшего председателя абазинских племен» направил через великого везира Талат-пашу (!) главам делегаций государств Четверного союза в Брест-Литовске письмо с ходатайством о включении в готовящийся мирный договор с Россией пункта о репатриации черкесов диаспоры на Кавказ [20]. По данным Дилек Бурак, Мехмед Эмин умер в начале 1920-х гг. [13].

6. *Chochiev G.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Kuzey Kafkas Göçmenlerinin Toplumsal Uyarlanmasına Dair Bazı Görüşler // *Kebikeç*. Ankara, 2007. No 23.
7. *Aydemir İ.* Göç: Kuzey Kafkasyalıların Göç Tarihi. Ankara, 1988.
8. *Ramsaur E. E.* The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908. Princeton, 1957.
9. *Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971.
10. *Kayalı H.* Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman Empire (1908–1918). Berkeley, 1997.
11. *İttihad Gazetesi*. Kahire. 1899. No 1.
12. *Лавров Л. И.* Абазины (историко-этнографический очерк) // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. 1. М., 1955.
13. *Loh-Burak Ailesi* (yayınlanmamış aile tarihi). Haz.: Dilek Burak. İstanbul.
14. *Hanioğlu M. Ş.* Bir Siyasal Örgüt Olarak Osmanlı İttihad ve Terakki Cemiyeti ve Jön Türklük (1889–1902). İstanbul, 1985.
15. *Çelik B.* Jön Türk Hareketi İçinde Arnavut Aydınlarının Rolü ve Arnavutların Meşrutiyet'e Katkısı // *Toplumsal Tarih*. İstanbul, 2003. № 115.
16. *Karal E. Z.* Osmanlı Tarihi. VIII. Ankara, 1995.
17. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Dahiliye Nezareti. Mektubi Kalemi. No 2258/65.
18. *Georgeon F.* Sultan Abdülhamid. İstanbul, 2003.
19. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Dahiliye Nezareti. İdare. No 124–1/61.
20. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Hariciye Nezareti. Siyasi Kısım. No 2876/3–3.
21. *Hanioğlu M. Ş.* A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton, 2008.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.